

А.С. Майданов.

Этика Конфуция и этика Христа

Ключевые слова: истина путь миф бог этические нормы страх человечность вера двойственность добро зло

Резюме. В статье сопоставляются этические учения Конфуция и Иисуса Христа. Предпочтение отдается этике Конфуция, поскольку она негетерогенна в отличие от этики Христа, так как ее содержание не дополняется планом мифических представлений и образов. Этика Конфуция антропоцентрична, а поэтому более гуманна, истинна и непротиворечива. Этика же Христа теологизирована, вследствие чего адепты Иисуса оказываются двойственными, парадоксальными существами, а общество – насыщенным дихотомиями, которые приводят к конфликтным ситуациям. Этика же Конфуция благодаря большей реалистичности несмотря на свою древность оказывается крайне актуальной для современного общества, для преодоления морального кризиса в России.

Противоречивость истины Христа. Перед людьми, перед целыми народами постоянно встают проблемы о том, как жить, как строить свои отношения друг с другом, что считать смыслом жизни, к чему стремиться, что избрать в качестве жизненных идеалов? В поисках решения этих проблем мудрецы, философы, учителя человечества предлагают свои учения, пытаясь помочь людям в обретении жизненных ориентиров. Чаще всего люди обращаются к той или иной религиозной системе, полагая, что она сможет дать им ответы на жизненные вопросы. Это объясняется тем, что всякая религия опирается на присущие многим людям представления о существовании некоей высшей силы, высшего существа и образами этой силы или существа подкрепляет свои идеи. Но сами эти представления имеют земное, антропогенное происхождение, основанное на экстраполяции человеческих отношений и прежде всего отношений « господин – слуга », « продукт человеческой деятельности – его создатель » на весь природный мир. В сконструированном с помощью этой экстраполяции сверхсуществе люди ищут источник высших человеческих ценностей, стремясь придать им таким образом священный характер, а тем самым и непререкаемость. Так поступали люди далеких эпох, формулируя в контексте представлений о высших воображаемых мирах незыблемые, по их мнению, императивы социальной жизни. В периоды социальных и духовных кризисов современный человек не находит достаточной опоры в нормативах обыденной жизни, хотя они и порождены многовековым житейским опытом, а потому обращаются к священным писаниям как источникам истины, имеющим, согласно традиции, высшую святость. В этой ситуации есть смысл посмотреть, в какой мере эти книги могут быть приняты в качестве кодексов разумной и нравственной жизни.

Этика обычно входила в жизнь народов вместе с религией, под ее опекой. Это объясняется тем, что для древнего человека этические нормы приобретали значимость, становились обязательными, когда получали высшую, как казалось, надчеловеческую санкцию. Такой санкцией являлась сакрализация этики – придание ей священного характера, признание ее творением высшего божества. Эта санкция дополнялась угрозами различных наказаний и кар со стороны этого божества в случае отступления от предписанных норм поведения. Творцы древних этических систем обращались, таким образом, не к сознанию, разуму людей, а к их чувству страха. Ориентация именно на этот элемент человеческой психики побуждало указанных творцов создавать самые разнообразные фантастические картины страданий и мук, которые ожидают нарушителей моральных установлений. Чем экзотичнее выглядела картина возникновения того или иного этического кодекса, чем более устрашающими казались грозящие отступникам от нравственных принципов беды, тем, как, видимо, полагали авторы

этих принципов, была большая вероятность того, что данные принципы будут соблюдаться. Вот, например, в какую суровую устрашающую, вызывающую трепет обстановку помещается авторами Библии процесс выработки морального кодекса древних евреев. Это происходило в Синайской пустыне на высокой горе, лишенной растительности, с пугающими обрывами и расселинами, с хаотичными нагромождениями гранитных и порфировых глыб. На эту гору под дикое завывание ветра поднялся в одиночестве, подавляя страх, Моисей. «Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, народ отступил и стал вдали.., И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исход. 20; 18, 21). «И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывала ее облако шесть дней, а в седьмой день Господь воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий» (Исход. 24; 15-17). Возникшие в таких условиях правила жизни – 10 заповедей – не могли не иметь для древних людей мистической силы, особой святости. Страх наказания за несоблюдение подобных правил усиливал эту святость. Это обстоятельство использовал и Моисей, организовавший казнь отступников.

Этому методу гарантирования исполняемости этических норм следовали и авторы древней арийской этики, сложившейся несколько тысяч лет назад и отображенной в знаменитой Ригведе. Двое из числа главных арийских богов Митра и Варуна, находясь на небе, зорко следят за тем, чтобы люди соблюдали общепринятые нормы социальной жизни. «Те двое, которые с высокого неба наблюдают за (людьми), как за стадами. Со своим безошибочным зрением, даже моргая, они все равно наблюдают как наблюдатели » (Ригведа VIII. 25. 7, 9.) В случае нарушения этих норм суровый бог Варуна набрасывал на грешника петли, связывающие его по рукам и ногам.

Христианская религия при подобных нарушениях грозит виновным еще более тяжкими наказаниями. « Очи Господа обращены к праведным и уши его к молитве их, но лице Господне против делающих зло (чтобы истребить их с земли) », - возвещает апостол Петр (Первое соборное послание. 3. 12.). Евангелист Матфей конкретизирует эту угрозу: « Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.» (Матф. 13. 49 – 50.). По-видимому, крайне низким было духовное состояние людей того времени, так что только страшные угрозы могли побудить их следовать моральным предписаниям.

Но иным способом утверждал свою этику великий учитель китайского народа Конфуций. Общество, в котором он жил, было, похоже, в духовном отношении более зрелым и более предрасположенным к осознанному, без мистического подтекста и устрашения восприятию этики, выработанной этим учителем.. Он не грозил людям карами за то, что они могли бы не принять его учения. Он излагал его в дружеской беседе с учениками и правителями, которые могли спорить с ним, возражать ему или соглашаться с ним.

Но подобное не терпел Иисус. Когда однажды самый преданный его ученик Петр стал прекословить Иисусу, тот гневно и резко оборвал его: « Отойди от Меня, сатана! ты мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое » (Матф. 16. 23).

Если библейской морали приписывается божественное происхождение (Заповеди Моисея были начертаны на каменных скрижалях перстом Бога, а евангельские вышли из уст сына Божьего), то этика Конфуция имеет вполне реальное происхождение, исключительно человеческое, она создана без какого-либо участия Бога.

Итак, мы обнаруживаем снова различие между этикой, созданной китайским мудрецом, и этикой, разработанной творцами Ветхого и Нового заветов. История возникновения первой естественна, правдива, а, следовательно, сама эта история этична. История же второй неестественна, содержит значительный элемент вымысла, фантастична. А поскольку авторы этой истории настаивают на принятии ее людьми за истину, то само это требование и сама история оказываются неэтичными. Это первое проявление неэтичности библейской, в том числе и христианской этики.

Высокоэтичный способ, каким Конфуций внедрял в жизнь свое учение, является вполне цивилизованным, гуманным. Способ же, каким насаждал свое учение Иисус Христос – варварский, деспотичный. Он требовал от людей безоговорочного, беспрекословного принятия своего учения, грозя в противном случае проклятием, мстью, страданиями. « А если кто не примет вас и не послушает слов ваших , - наставлял Иисус своих учеников, посылая их проповедовать его учение, - то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому » (Матф. 10. 14 – 15). « И не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения... » (Послание Павла к Филиппийцам. 1. 28), - успокаивал он своих последователей, одновременно грозя ослушникам. « Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема... » (1-е послание Павла Коринфянам. 16. 22), - вторил ему позднее апостол Павел. То дело, которое решил совершить Иисус ради людей, то обетование, которое вознамерился он дать людям, противоречиво в самом себе и по отношению к действительности. Иисуса подвигло к его миссии то, что он увидел, что делало мир злым, и он предложил этому миру истинный, в его понимании, путь исправления мира. « Я на то родился, - говорил он, - и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине... » (Иоанн 18. 37). « ... Я есмь путь и истина и жизнь... » (Иоанн. 14. 6). «... Я пришел ... спасти мир» (Иоанн. 12. 47).

В характере провозглашенной Иисусом истины заключается, по-видимому, причина той слабой укорененности христианства, которую мы наблюдаем в русском народе. Эта слабость особенно отчетливо проявилась в годы революции и после нее, когда этот народ в массовом порядке отвернулся от учения Христа. Можно предположить, что здравый смысл народа, выработанный тяжелыми условиями жизни, а также нежелание ограничивать свою свободу узкими рамками предписываемых Евангелием норм социальной жизни, рожденных в иной социальной и психологической среде, помогли увидеть в так называемой христианской истине нечто неприемлемое для жизни.

Евангельская истина состоит из пяти основных элементов. Первый элемент – это утверждение, что Иисус родился в результате непорочного зачатия от духа святого и является сыном Божиим. Второй элемент: путем спасения является вера в Иисуса как в Бога и исполнение его заповедей. Третий элемент – это вера в существование царства небесного, в котором все верующие во Христа будут приобщены к вечной, блаженной жизни. Четвертый элемент – рассказ о воскресении подвергнутого суровой казни Иисуса и его вознесение на небо. Пятый – система этических норм.

Эта истина уже с момента ее возникновения подвергалась сомнению со стороны противников христианства. Они увидели мифологический характер ее. И первыми сделали это иудеи – приверженцы Ветхого завета, закона Моисеева. Они считали святотатством то, что некий галилеянин, сын плотника и Марии, то есть вполне обычных по своему происхождению людей выдает себя за мессию, сына Бога. Иудеи говорили ему во гневе: « Не за доброе дело хотим побить Тебя

камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Иоанн. 10. 33).

По мере накопления знаний о физической природе человека, о его физиологии, стала очевидной фантастичность легенды о неестественном зачатии Иисуса, о его воскресении. Это поняли и христианские теологи. Они начали искать иное толкование этой легенды, стремясь отойти от прямого ее смысла. Этим интенсивно занимались в XIX веке представители так называемой либеральной теологии, которые шли по пути демифологизации Евангелия. Такую же работу проводили в XX веке представители диалектического направления в протестантской теологии – Д.Бонхоффер, Р.Бультман, Х.Кокс. Сочинение Бультмана 1941 года так и называлось: « Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия. ».¹

После установления мифичности первого и четвертого элементов евангельской истины становится бессмысленным второй элемент – вера в Иисуса как в Бога. Теперь очевидно, что Иисус нарушает одну из заповедей Моисея: не лжесвидетельствовать. Призыв верить в такого человека становится кощунственным, а сама вера лицемерной.

Фантастичность царствия небесного становится также очевидной, если прочитать его описание в Откровении Иоанна Богослова. Образ этого царства создан на основе чисто земных представлений и имеет черты земных, материальных предметов. Это царство – Новый Иерусалим – имеет большую и высокую стену, 12 ворот, на которых написаны имена 12 колен сынов израилевых. Город расположен четверугольником и длина его такая же, как и ширина. Эта стена из ясписа, а город из чистого золота. Основание стены города украшено всякими драгоценными камнями – сапфиром, халкидоном, смарагдом, сердоликом и др. Ворота были из жемчужин. Улицы города также из чистого золота (Откровения. 21. 2 – 22).

В главах 4 – 10 Откровения это царство представлено еще более фантастично. Но тем не менее материалом фантазии послужили образы земных предметов – престолов, книг, зверей, лошадей, птиц. Такие образы безусловно должны были бы противоречить облику феноменов духовного мира, если такой существовал бы в действительности. Ведь по определению эти феномены должны были бы иметь иной вид, форму, материал.

Иисус утверждал что он пришел из царствия небесного и вернется туда же. Обращаясь к иудеям, он говорил: «...вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Иоанн. 8. 23). Но тот мир, как видно из его описания, это мир фантазии, вымысла, а тогда и происхождение Иисуса из него – такой же вымысел. На деле Иисус был не сыном Божиим, а сыном давней иудейской традиции. Согласно ей еврейские матери еще до рождения своих сыновей посвящали их в пророки. Такие сыновья именовались назореями. Так, по-видимому, поступила и мать Иисуса. В Евангелии он неоднократно называется этим именем. По мере взросления Иисус по собственной ли воле или под влиянием секты ессеев, с которой была связана его мать, повысил свой статус – с пророка до сына Бога. Рождение христианства и началось с того, что сначала сам Иисус уверовал в свое божественное происхождение, причем уверовал в это искренне, до невероятного фанатизма. Затем он стал требовать такой же веры в свое богосыновство от других людей, и требовал этого с непостижимым упорством и нетерпимостью, не допуская каких-либо колебаний. В противном случае тех постигнет кара. « Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Иоанн. 3. 36).

¹ См.: Вопросы философии. 1992. №11, с.86 – 114.

Намерение основателей христианства заключалось в том, чтобы исправить тогдашний мир, который по их утверждению погряз в грехах и во всеохватном зле. Картину такого падения впечатляюще описывают сами апостолы. Павел называет то время лукавым веком (Галатам. 1. 4), а своих современников « строптивым и развращенным родом» (Филиппийцам. 2. 15). Такого же мнения о своем времени и евангелист Иоанн, утверждавший, что весь мир лежит во зле (Первое послание. 5. 9.). Масштаб и характер этого зла умопомрачительный. Именно таким оно предстает в описании Павла: «...нет праведного ни одного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают путь мира » (Римлянам. 3. 10 – 17). Апостол сокрушается о падении нравов, говорит о том, что в мире господствует растление похотью. Он упрекает своих современников в том, что они дерзки, презирают начальство, не страшатся злословить высших, своевольны. Они находят удовольствие в роскоши и пиршествах, их глаза исполнены любострастия и непрестанного греха. Оставив прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, который возлюбил неправильную мзду (Второе послание. 2. 10, 12 – 15, 18 – 19).

В условиях всеобщего духовного кризиса люди возлагали надежду на приход мессии, который избавил бы их от греха и указал бы правильный путь. « ... Знаю, что придет Мессия. – говорит одна самаритянка. – Когда Он придет, то возвестит нам все» (Иоанн. 4.). Видя такие чаяния народа, появились честолюбивые самозванцы, выдававшие себя за мессию.

К исстрадавшемуся народу явился Иисус из Назарета. Он предложил людям свой путь спасения и свои этические нормы. Его учение привлекало к себе все больше и больше сторонников. Но, однако, это учение было противоречиво: содержало в себе одновременно и истину и ложь, а потому было неэтичным. Истинными были многие нравственные правила, но они облекались плотной сетью вымысла, мифов, о которых говорилось выше. Одни люди сразу увидели эту ложь, не поверили Иисусу и отвергли его учение. Так поступили правоверные иудеи. Для других же людей и, прежде всего, для язычников, представителей других народов именно эти мифы (особенно мифы о воскресении, о блаженном царстве небесном) явились тем привлекательным элементом, под воздействием которого было принято все учение. Были приняты и истина и ложь. Сочетание именно этих противоречивых элементов и явилось позднее одной из причин многочисленных распрей, ересей и разногласий в христианстве. Верующий в учение Христа человек объективно, независимо от его самосознания, оказывался внутренне раздвоенным. С одной стороны, верующий жил в реальной жизни, в окружении реальных людей. Чтобы добиваться решения насущных жизненных проблем, он должен был строить с людьми реальные отношения, совершать поступки, имеющие реальное содержание и смысл. Это было бы возможным, если бы свои отношения с другими людьми человек строил бы по правилам и нормам, имеющим реалистическое содержание. Большое количество таких норм содержится в этике Евангелия. Действуя в соответствии с этими нормами, верующий человек выступал как реалист, являлся реалистическим человеком. Но, с другой стороны, учение Евангелия ставило этого человека в отношения с вымышленными феноменами: Иисусом как сыном Бога, самим Богом, царством небесным. Эти отношения реализовались в определенном поведении – в молитвах, обрядах, ритуалах. Поскольку такое поведение обуславливалось воображаемыми феноменами, постольку оно не было реалистическим, а напротив, носило мнимый характер, почему и может быть названо

квазиповедением, игрой, игровой жизнедеятельностью. Сам же верующий считал это поведение реалистическим, что и порождало дефект его сознания – он принимал мнимое за реальное. Вследствие этого такое сознание становилось гетерогенным. Оно представляло собой противоречивую комбинацию здравого рассудка и безусловной, безоговорочной веры. Это противоречие толкало верующих на определенную отчужденность, отстраненность от социальной среды, в которой в той или иной мере присутствовал рассудок.

С точки зрения реалистически мыслящего человека верующий выглядит как социальный парадокс: с одной стороны, он адекватен реальности, а с другой – неадекватен, мистичен, не критичен, представляет собой гибрид реалистического и мнимого, практического и игрового, взрослого и детского, прозаического и поэтического. Такой человек испытывает трудности в контактах с социальным окружением, находится в конфликте с наукой, просвещением, культурой. Он идет одновременно двумя разнородными путями – путем здравого смысла, жизненной практичности и путем игровой деятельности, принимаемой за подлинную реальную жизнедеятельность, которая может давать психологическое и эстетическое удовлетворение, но оказывается бесплодной с социально-практической точки зрения, поскольку направлена на фиктивные цели и осуществляется посредством квазидействий.

Путь, предложенный Конфуцием. За 550 лет до рождения Иисуса в среде другого народа – китайского – родился другой учитель человечества – Конфуций. Его рождение не было таким мифическим, как в случае Христа, а напротив, вполне естественным. Его мать была такой же юной, как и мать Иисуса, а отец – такого же преклонного возраста, как и Иосиф. Было ему около 70 лет, но именно он, сойдясь с девушкой в поле, зачал своего будущего сына, которого, кстати, его внебрачная жена родила в пещере. Детство и юность Конфуция не покрыты тайной, как в случае Христа. Его растила одна мать, поскольку отец вскоре после рождения ребенка умер. С ранних лет Кун Цю (таково его подлинное имя) должен был зарабатывать деньги на жизнь. Он был водоносом, пастухом, выполнял любую посильную физическую работу. Но при этом он тянулся к знаниям, к учебе. И делал он это самостоятельно, сам воспитывая и образовывая себя. Об этом он говорил позднее так: "В 15 лет я ощутил стремление учиться, в тридцатилетнем возрасте я утвердился, достигнув 40, освободился от сомнений, в 50 познал веления неба, в 60 мой слух обрел проникновенность, с 70 лет я следовал желаниям сердца, не нарушая меры" (Луньюй, 2.4). Конфуций подчеркивал, что знания не даны ему от рождения или откуда-то свыше. Он приобрел их сам, благодаря постоянному стремлению к ним (7.2). Свое отличие от людей он видел именно во влечении к занятиям. "В любом селении из 10 домов, – говорил он, – всегда найдутся люди, которые не уступят мне в честности и искренности, но уступят в склонности к учению" (5.28). И в то же время, несмотря на непрерывный труд в учении и на огромные результаты этого труда, Конфуций не считал себя всезнающим. "Разве посмею я претендовать на то, что обладаю высшей мудростью..." (7.34), – говорил он.

Во всех этих высказываниях великого учителя мы видим естественную человеческую натуру, видим, что все духовное богатство его есть результат больших усилий, а не какого-то дара. Конфуций не превозносил себя над людьми и уж тем более не обожествлял себя. Он жил как человек, умер как человек и остался в памяти потомков человеком. Его поистине можно назвать сыном человеческим, лишенным какой-либо божественности. Никакой бог не был причастен к его рождению и созреванию, формированию его учения. Будучи творением его мысли, оно было свободно от какой-нибудь неестественной, мистической, божественной надстройки. Происхождение учения не было

мифическим, а потому и содержание его – этика – было этичным в отношении своего происхождения. Такой характер истории этой этики говорит о том, что среда, в которой она возникла, была в какой-то степени менее склонной к социальному мифотворчеству, чем среда, в которой сформировалось учение Христа.

Но, тем не менее, и Конфуций жил в такую эпоху, когда религия возникала и существовала с неизбежной необходимостью. В тех условиях и такой сильный ум, как ум Конфуция, не мог не испытать влияния религии. И он был религиозным человеком. Но в какой мере, какой характер носила его религиозность?

Для Конфуция не существовало какого-либо абсолюта, высшего сверхъестественного существа, творца мира, всего сущего. Для него высшим фактором была сама природа и притом в образе такого величественного явления, как небо. "Велико только небо" (8.19), – восклицал он, испытывая благоговение именно перед этим реальным естественным явлением, а не перед каким-либо вымышленным образом. От веления неба зависит жизнь и смерть, наличие добродетелей у людей, их родовитость и богатство (12.5; 7.23).

Согласно представлениям древних китайцев природа была наполнена демонами и духами. Их существование признавал и Конфуций. Он говорил о том, что их нужно чтить. Но отношение у него к этим бесплотным существам было спокойным, уравновешенным. Чтя их, к ним не следует приближаться, внутренне сливаться с ними (6.21). Оставался он безразличным и к разговорам о чудесах. "Учитель не высказывался о чудесном, силе, смуте, духах" (7.23), – вспоминал один из его учеников. Конфуций считал, что к духам нужно относиться через отношение к людям, и это отношение является в данном случае определяющим. "Не зная, как служить живым, – говорил он, – сумеешь ли служить их духам" (11.12).

Конфуций придавал большое значение ритуалам, в том числе жертвоприношениям. Но это скорее было не способом проявления особого почитания духов, а средством регламентации жизни, отношений между людьми, внесением в жизнь порядка, организованности, благочиния. Ритуал был обращен скорее не к тем, кому он посвящался, а к тем, кто его совершал, выступая для них в качестве регулятива их духовной жизни и социального поведения. Ритуал помогает гармонизировать жизнь людей. Один из учеников Конфуция Ю Жо подчеркивал: "Из назначений ритуала всего ценней гармония" (11.12). Ритуал обладает способностью одухотворять людей, пробуждать и мобилизовать их нравственные качества, очищать их ум и душу, делать их эстетически более совершенными. Напротив, даже "когда хватает ума и человечности и правят, соблюдая строгое приличие, но не побуждают к действию при посредстве обрядов, то совершенства еще нет" (15.33), – говорил Конфуций. Ритуалы используются для того, настаивал он, чтобы воплотить в поступках справедливость (15.18). Они воспитывают людей, прибавляя им культуры общения. "Когда правитель любит ритуал, никто в народе не осмелится быть непочтительным" (13.5), – пояснял Конфуций. И благородный муж также не перейдет грань, если будет сдерживать себя правилами ритуала (12.15). Исходя из этого, Конфуций формулирует такие правила поведения: "Не смотри на то, что чуждо ритуалу; не внемли тому, что чуждо ритуалу; не говори того, что чуждо ритуалу; не делай ничего, что чуждо ритуалу" (12.1). Знание ритуала позволяет человеку утвердиться в обществе (20.3).

Такая большая психологическая и этическая нагруженность ритуала делает его священным элементом социальной жизни. Но святость этого элемента иная, чем в христианстве. Если в этой религии святость ритуала ориентирует человека на достижение духовного совершенства, предназначенного и угодного Богу, то в

учении Конфуция она побуждает людей к такому совершенству, которое необходимо для улучшения земной жизни людей. Благодаря ритуалу святость проникает в жизнь людей и в них самих. Конфуций сравнивал таких людей с драгоценным жертвенным сосудом (5.4). Имеется в виду, что они, как эти сосуды, наполняются святостью. Человек становится священным, и он, а не только Бог, как в христианстве, заслуживает почитания. Эта святость проявляется в нем в виде высокой человечности. Таким образом, чтобы быть человеческим, нужно, говорил Конфуций, победить себя и обратиться к ритуалу. «Если однажды победишь себя и обратишься к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человек» (12.1).

Наделение святостью человеческих отношений и самого человека логически вело к признанию святынями опять же не только и даже не столько горнее, сколько земное, сугубо человеческое – прошлое народа, предков, семью. Конфуций с большим пиететом относился к прошлому: изучал его историю, возрождал ритуалы, извлекал мудрость из древних песен и преданий. Прошлое людей, а не мифический голос с небес, как в случае Христа, было источником духовной силы и мудрости. Именно прошлое его народа, а не какое-либо божества, было объектом его веры. «Я верю в древность», – заявлял он.

Священной считал Конфуций память о предках. Это отношение к ушедшим поколениям усвоили и его ученики. Один из них – Цзен – говорил: «Если будут чтить умерших, помнить предков, то в народе вновь окрепнет добродетель» (1.9). По-иному относился к этому Христос. Некто хотел следовать за Иисусом, но сначала просил его, чтобы тот позволил ему прежде пойти похоронить своего отца. Иисус сказал: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди благовествуй Царствие Божие» (Лука. 9. 59 – 60).

Святость родителей Конфуций видел в том, что у них можно было учиться жить. Он призывал сыновей вглядываться в устремления своих отцов, когда те были живы, а после смерти вникать в то, как они поступали и не изменять их пути, по меньшей мере какое-то время (11.11). Именно в почтительном отношении к родителям коренится, по мнению последователей Конфуция, человечность. Каким же кощунством выглядит отношение Иисуса к родственникам! Когда некто сказал Иисусу: «Я пойду за Тобою, Господи! Но прежде позволь мне проститься с домашними моими». И Иисус сказал ему: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лука. 9. 61 – 62).

Итак, у Конфуция культ человека стоит выше культа божества. Это одно из главных отличий этики китайского учителя от этики Христа. Поэтому, именно такая этика может принести мир в семьи, в души людей, в общественную жизнь.

Учение Конфуция и его деятельность по усилению роли ритуалов так же, как и в случае Иисуса, были востребованы необходимостью преодоления политического и духовного кризиса в обществе. А кризис этот действительно был чрезвычайно глубоким. Общество было охвачено всеобщей борьбой, соперничеством различных социальных группировок, не стихали военные сражения, не прекращались всевозможные тяжбы. В глазах простого народа Поднебесная напоминала бушующий поток (18.6), в ней не стало правильного пути, похоже было, что она скоро загудит колоколом (3.24). «Путь не в ходу», – говорил Конфуций, будучи готовым к тому, чтобы взойти на плот и поплыть к далеким морям (5.7). «Все кончено, – с горечью восклицал он, – я не встречал того, кто любил бы добродетель так же сильно, как чувственные наслаждения» (15.13). Конфуций уже не надеялся встретить хороших людей, а тем более людей совершенной мудрости.

В это время он и начал свою миссию. По словам историка II - I вв. до н.э. Сыма Цяня, он неустанно исполнял обряды, вносил порядок в старинные записи и книги ².

Главным делом его жизни стал поиск ответов на кардинальные вопросы существования человека и сообщества людей. Итогом его многолетних раздумий явилась наука жить, идеология социальной жизни, которая составила из его представлений о смысле жизни, его устройстве, об образе жизни, о нормах и правилах поведения и общения людей, о социальных идеалах. Исправление общества Конфуций начал с обучения этой науке, искусству жизни молодых представителей знатных семейств. Из них он решил воспитать благородных мужей, т.е. образованных и высоконравственных юношей, которые затем, в свою очередь, взялись бы за улучшение окружающей социальной среды, активно включившись в эту жизнь. Так возникла первая в истории человечества школа по подготовке большого количества строителей социальной жизни. Не уходить от земного мира и жизни государства, как предлагал в своем случае Христос, а напротив, энергично входить в эту жизнь и стараться преобразовать ее на основе гуманных, этических принципов. Здесь и речи не было об устремленности в воображаемый мир потустороннего Царства Небесного.

Устроители жизни в учении Конфуция называются благородными мужами. К ним он предъявлял большие требования, определил большой набор этических и социально значимых черт, которыми те должны обладать, а также целую систему норм поведения. Их предназначение было ориентировано на решение главного земного дела – обеспечение благоденствия народа (14.42). И именно для выполнения этого дела готовил Конфуций своих учеников. Благородный муж должен быть добродетельным и больше всего должен ценить справедливость (17.23). Это отличает его от малого человека, для которого на первом месте стоит выгода. Конфуций говорил, что «мужи высоких помыслов и те, кто полны человечности не согласятся ради сохранения своей жизни нанести вред человечности, но могут лишь пожертвовать собой, чтобы до конца быть честными и человечными» (15.9). Благородному мужу можно верить сироту, судьбу страны, его нельзя склонить к измене долгу (8.6). Он предпочтет чувственности добро, способен до изнеможения служить отцу и матери, может пожертвовать собой на службе государю, к друзьям обращается с правдивым словом (1.7). «Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочисленным или немногим, великим или малым. Это ли не величавость без высокомерия» (20.2), – наставлял Конфуций. Если малый человек постигает низшее, то благородный муж – высшее. Если первый выскателен к другим, то второй – к себе (15.21). «Благородный муж участлив, но лишен пристрастности; малый человек пристрастен, но лишен участливости» (2.14). Благородный муж тверд в принципах, но в отличие от малого человека не упрям (15.37). В нужде малый человек становится распутным, тогда как благородный и в такой ситуации не отступает (15.2). Важной чертой благородного мужа является то, что он стремится к единению через разномыслие и не стремится к этому через послушание. Малый же человек, наоборот, стремится к единению через послушание, но не через разномыслие (13.23). В слове благородный муж видит прежде дело, а затем следует сказанному (2.13). Он постоянно учится и неустанно занимается самосовершенствованием. Все время он следит за собой и своими поступками, контролирует свои мысли и чувства. Именно такой человек, как это следует из наставлений Конфуция, нужен был и обществу его времени и всякому обществу вообще, чтобы то могло в свою очередь стать цивилизованным. Именно в таком человеке китайский мыслитель увидел силу, способную формировать подобное

² Сыма Цянь. Старинный род Конфуция // Конфуций. Я верю в древность. М., 1995, с. 202.

общество. Конфуций понял решающее значение для оптимизации общества нравственного совершенства людей и их активности, которая направлена и на них самих (на формирование их как духовно развитых личностей и на их дальнейшее самосовершенствование) и на окружающую социальную действительность. Современный китайский философ Лю Учжи отмечает: «Со всех точек зрения отдельный человек выступает, в конечном счете, стержнем Вселенной... Учитель Кун в порыве гениального вдохновения открыл этическую личность... Отдельный человек занял новую, более высокую позицию как социальное существо. Впервые в истории человечества было утверждено достоинство личности. Расцвет личности должен выступать конечной целью»³. К словам Лю Учжи можно добавить, что Конфуций открыл одновременно активную творческую личность. Теперь стало ясно, что отдельный человек как социальное существо может занимать более высокую позицию и от каждого такого человека зависит характер и состояние общества. Развитость личности становится условием и предпосылкой цивилизованного общества.

Благодаря таким людям в обществе может реализоваться фундаментальный принцип всей действительности, который Конфуций вслед за Лаоцзи называет путем (Дао). Путь – это тот способ и та форма существования, движения и развития всего в мире, в котором проявляются его упорядоченность, организованность, благоустройство, разумность. Эти черты будут свойствами и общества, если люди будут строить свою жизнь в соответствии с *путем*. В социальной сфере путь проявляет себя, как истина, правильность, праведность, порядок, гармония. Такой путь является не только целью жизнедеятельности людей, но и способом достижения этой цели. Точнее других смысл понятия «путь» раскрывает американский философ Г. Фингаретт. Он пишет: «Дао есть Путь, тропа, дорога, и посредством метафорического расширения смысла он становится в Древнем Китае правильным Путем жизни, Путем правления, идеальным путем человеческого существования, Путем космоса, порождающим, нормализующим Путем (образцом, тропинкой, направлением) существования как таковым»⁴.

Это понятие является в конфуцианской науке жить одним из главных. Для благородного человека это свойство социального мира становится жизненным ориентиром. «Благородный муж стремится лишь к пути, но не заботится о своем пропитании. Благородный муж тревожится об обретении пути, он не тревожится о своей бедности» (15.32), – говорил учитель Кун. Такой человек, продолжал он, «способен сделать путь великим, но и человека великим делает путь» (15.29). Без следования пути человеческая жизнь становится бесцельной и бессмысленной. «Когда не стойки в добродетели, не преданы пути всем сердцем, – развивал идею Конфуция его ученик Цзи Чжан, – какая разница – живут они или их нет на свете» (19.2).

Подчеркивая большую роль самих людей в выборе истинного и правильного пути, Конфуций в то же время видел, что не всегда этот выбор зависит от живущих в данное время людей. Есть немало других факторов и обстоятельств, а также всегда существует противоборство разных социальных слоев и групп, которые оказывают влияние на этот выбор и часто уводят людей от такого пути. Подобное действие всех этих факторов и обстоятельств он отрывал от их реальных носителей и приписывал Небу. «Последуют ли пути или его отвергнут, – полагал Конфуций, – на то есть повеление Неба» (14.36). Но небо, как известно, это природный фактор. Так что в конечном счете социальной жизнью правит не какое-либо мифическое существо в виде Бога и его промысла, а

³ Цит. по: Фингаретт Г. Конфуций: мирянин как святой. // Конфуций. Я верю в древность. С. 364.

⁴ Там же, с. 321.

вполне реальная сила, мировой закон. Такой взгляд правильно выражал смутно улавливаемую зависимость земного бытия от бытия универсального. Богу как всемогущему, всезнающему и всем управляющему абсолюту в этом представлении не оставалось места. Мир сам управляет собой без какого-либо фантастического существа. И не было другой внеземной обители для людей, наподобие Царствия Небесного, кроме их места пребывания на земле. Над реальным миром не надстраивался мир вымышленный, человеческая жизнедеятельность не нацеливалась на эту фикцию. Главнейшей целью и смыслом жизнедеятельности людей является поэтому устройство своей земной жизни. Эта тема становится центральной и объединяющей все другие в учении Конфуция. Она разворачивается в комплекс проблем: что может быть фундаментальной ячейкой устройства общества, на каких принципах должны строиться взаимоотношения людей, какие правила должны регулировать их поведение, какими чертами должно обладать общество в целом, каковы отношения между обществом и властью, как должно быть организовано управление государством? Конфуций решает все эти проблемы с позиции гуманистической этики, а потому предложенная им модель социума придает последнему черты цивилизованного общества.

Эти черты начинают складываться в семье. Ученик Конфуция Ю Жо вслед за своим учителем считал истоком, корнем высших нравственных качеств сыновнюю почтительность и послушание старшим, а они закладываются в семье. Когда же такой корень заложен, то рождается и правильный путь. Поэтому так важно всякому благородному человеку заботиться об этом (1.2). Почтительность к родителям нужно проявлять даже и тогда, когда возникают разногласия между ними и детьми. Конфуций поучал: «Служа отцу и матери, их увещай помягче, а видишь, что не слушают, их чти, и не перечь. А будут удручать, то не ропщи» (4.18).

Эти правила глубоко укоренились в семейной жизни китайского народа. Так, женщина-мать пользуется такой же сыновней почтительностью, как и отец. В семье формируются нравственные основы прочности государства, вырастающие из сыновней почтительности, уважения к старшим, из такого устройства дома, которое держит в должных границах всех членов семейства. Здесь мы видим одну из предпосылок достижения единения нации: связь ее мельчайшей ячейки – семьи – с властью, не противостояние, не обособление их, а напротив, тесная взаимосвязь. В наше время было осознано преимущество дошедших из древности форм семейной жизни. Известный современный российский китаевед В.В.Малявин пишет об этом так: «В XX веке совместное проживание взрослых сыновей и родителей, сдержанность проявлений чувств супругов и другие нормы традиционной семейной морали стали расцениваться многими китайцами как важнейшая особенность китайской культуры, выгодно отличающая последнюю от нравов Запада»⁵.

Устойчивость и процветание нации зависит от того, какие отношения складываются между семьей и государством. Конфуций понимал важность этих отношений и много говорил о них, формулируя этические нормы этих отношений, социального поведения людей. Тем самым он закладывал основы культуры социальной жизни и одновременно способствовал формированию цивилизованного общества, которое выступает в качестве среднего звена в системе «семья – общество – власть».

В основу целого комплекса нравственных норм, с помощью которых строятся цивилизованные отношения между людьми, Конфуций ставит понятие «жень». Из множества толкований этого термина, предлагаемых различными

⁵ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000, с. 146.

исследователями трактата «Луньюй»⁶ я предпочитаю понятие «человечность». Этим понятием охватывается большое количество его пояснений, которые приводятся в самом трактате.

Быть человеческим, говорит Конфуций, это значит «держаться с почтительностью дома, благоговейно относиться к делу и честно поступать с другими» (13.19). От этого качества нельзя отказываться даже тогда, когда едешь к варварам, – настаивал Конфуций. Люди поступают человечно, отвечает Конфуций на вопрос одного из своих учеников, «когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд, не делают другим того, что не хотят себе, не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе» (12.2). К человечности относятся и такие черты людей, как «озабоченность всем близким» (19.6), великодушие, правдивость, доброта, сметливость (17.6). Человечность проявляется и тогда, когда кто-то предпочитает трудность успеху (6.21). Наконец, Конфуций дает самое глубокое, затрагивающее не только дух, но и душу человека, более всего обязывающее и очищающее людей определение человечности: «Это любовь к людям» (12.22). Потому-то и «прекрасно там, где человечность, и именно там при наличии выбора стараются поселиться люди» (4.1). Такая человечность для людей важнее, чем вода с огнем. «Я видел погибавших от воды с огнем, – восклицает Конфуций, – но никогда не видел, чтобы кто-нибудь погибал от человечности» (15.35). И тот, кто обладает таким качеством, тот становится опорой для других и сам освобождается от всего дурного.

Отношения между людьми, построенные на человечности, делают общество гуманным, цивилизованным. В нем каждый человек может найти поддержку и опору в другом человеке. Конфуций постоянно учил сострадательному отношению к людям. Когда его ученик Цзигун спросил Конфуция: «Найдется ли одно слово, которому можно следовать всю жизнь?», учитель ответил: «Сострадание» (15.24). «В моем пути, – добавил он, – все пронзено одним – состраданием до глубины души» (4.15).

Решающими факторами созидания благополучной жизни являются деятельность людей, их воля, устремленность к благим делам и неиссякаемая активность. Конфуций призывал людей именно к такой деятельности: «Направь свою волю на достижение правильного пути...» (7.6). Он формулирует такие нормы и правила, которые направлены на то, чтобы сделать человеческую активность благотворной, вносящей гармонию в социальную среду. Это возможно, прежде всего тогда, когда каждый человек, добиваясь своих целей, действует с учетом интересов и целей других людей. Для такого способа действий Конфуций, задолго до Христа, предлагает универсальное этическое правило: «Чего себе не пожелаешь, того не делай другим» (15.24). Это правило выражает идею равноценности людей как представителей рода «человек». Всякий, кто усвоил эту идею, поступает этично даже и в том случае, когда он занимает более высокое социальное положение. Благородный муж не только не возвышает себя над другими, но напротив, он ставит себя ниже других (12.20). Такая требовательность к себе плодотворна в этическом отношении: «Когда строги к себе и снисходительны к другим, то не вызывают злобы» (15.5).

Конфуций сформулировал еще одно важное правило поведения людей. На этот раз речь идет о случаях, когда кто-то причиняет зло кому-то другому. Много споров было и есть по этому вопросу. Китайский учитель дал на это мудрый ответ. Когда его спросили: что, если за зло платить добром? Он сказал: «А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости, а за добро добром» (14.34).

⁶ См.: Фингаретт Г. Цит. соч., гл.3, с.338; Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993, с.215.

Таким образом, творящий зло человек должен понести свою меру ответственности, тогда как непротивление злу будет лишь поощрять его к новому злу.

Предложенные Конфуцием этические нормы нужны для того, чтобы в стране сформировалось такое общество, в котором каждый человек смог бы жить достойно и благополучно, не надеясь на какие-либо сверхъестественные силы. В таком обществе он не может быть инструментом не только в руках какого-либо другого человека, но и самого Бога..

С этических позиций подходил Конфуций и к вопросу о характере и способах действия органа, управляющего обществом, – государства, власти. И в этом случае все определяет и совершенствует сам человек, как это он делает по отношению к самому себе на уровне семьи и ближайшего окружения, занимаясь самоформированием. Государство, власть существуют для человека и вместе с носителями власти служат ему, – таково революционное по тем временам требование Конфуция к политической надстройке. Оно может быть реализовано, если правители, государи будут следовать тем же этическим нормам, которые предписываются рядовым членам общества, а именно быть честными, не высокомерными, не вызывать злобы у людей, не доводить свои желания до жадности, быть усердными в работе (12.14; 20.2). Правители должны постоянно помнить, что на них все время смотрит народ, а потому они неизбежно являются для людей примером образа жизни, поведения. Если правители любят справедливость, то никто в народе не осмелится быть непослушным; когда правители любят правду, никто в народе не посмеет быть нечестным (13.4). «Если личное поведение тех, кто стоит наверху, правильно, дела идут, хотя и не отдают приказов. Если же личное поведение тех, кто стоит наверху, неправильно, то хотя приказывают, народ не повинуется» (13.6).

Правители разных царств нередко обращались к Конфуцию за советами по поводу того, как избавиться от тех или иных социальных пороков. На вопрос о способе искоренения воровства Конфуций ответил: «Коль сами будете скромны в желаниях, не согласятся воровать и за награду» (12.18). Нравы можно исправить, говорил Конфуций, если правители будут исправлять, прежде всего, самих себя. «Правление и есть исправление, – учил он. – Кто же посмеет не исправиться, когда исправитесь вы сами» (12.17). Устраняя свои недостатки, правитель становится более сильным. «Когда ты исправляешь самого себя, то с чем не справишься в правлении? Когда не можешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других» (13.13). Конфуций обращал внимание на важность того, какие отношения устанавливаются между властью и народом. Он и здесь говорил о необходимости опоры на этические чувства и нормы. Из высказываний Конфуция видно, что он ясно понимал характер особой связи, которая существует между властью и народом. А суть этой связи такова: какова власть, таков во многом и народ. Как поступают правители, так зачастую поступают и рядовые люди. Какие моральные качества у власть предержащих, такие они во многом и у народа. Эту связь можно назвать резонансной: поведение и свойства народа часто являются отражением поведения и свойств власти. «Если в верхах, – говорил Конфуций, – любят долг, то в народе нет таких, кто бы осмеливался не подчиняться. Если в верхах любят правдивость, то в народе нет таких, кто бы осмеливался быть неискренним» (13.4). Когда один из царских сановников спросил Конфуция, как добиться того, чтобы народ был почтительным, преданным и воодушевленным, тот ответил: «Будь с ним серьезен, и он станет почтительным...» (2.20).

Конфуций настаивал на том, чтобы власти относились к народу с любовью и стремились завоевывать у него доверие к себе. Когда народ не верит властям, то им в таких случаях не устоять (12.7). Завоевать же доверие можно, в

частности, тем, что в случае лишений, выпавших на долю народа, власти должны в первую очередь думать о помощи ему, а не о своих выгодах. Пример такого поведения привел одному из китайских правителей – Айгуну – ученик Конфуция Ю Жо: «Князь Скорбной памяти спросил Ю Жо: «Как быть? Нынешний год неурожайный, и на покрытие расходов не хватает средств». Ю жо ответил: «А почему бы не взимать налог в размере лишь одной десятой части». «Я сейчас взимаю две десятых, и мне не хватает. Как же я обойдусь одной десятой?» – возразил князь. Ю Жо сказал: «Как может Вам не хватать. Когда будет хватать народу? Как может Вам хватать, когда народу не хватает?» (12.9).

Из всего сказанного мы видим, что Конфуций и его последователи добивались того, чтобы между властью и народом существовало взаимопонимание, плодотворное сотрудничество, чтобы они были едины, особенно в критических ситуациях. Благодаря этому вся структура социума становится прочной, устойчивой по отношению к различным катаклизмам. Эта структура состоит, как мы выявили из анализа учения китайского мыслителя, из трех взаимосвязанных частей: семьи, общества и власти. Скрепляющими, связующими нитями такого социума являются нравственные принципы и нормы, которые и делают этот социум цивилизованным. Он тем более становится таким, если этические скрепы дополняются чувством прекрасного и священного. Этот социум способен обеспечить своим членам благоприятные условия существования, установить равновесие между своими частями, а кроме того, может развиваться и совершенствоваться. Подобный социум благодаря творческой активности людей обладает самодостаточностью. Для его существования и для обеспечения блага людей нет необходимости в какой-либо неестественной надмировой, мифической надстройке наподобие евангельского царства небесного. Царство благополучия становится возможным на Земле и может быть создано самими людьми. Его основа – все пронизывающие высокие нравственные принципы – становится условием возникновения такого же высокого духовного благополучия. Этичное поведение людей вызывает у членов общества положительные эмоции, общий жизнерадостный настрой, а тем самым духовно объединяет людей, делает их духовно равными и даже родственными. Как говорил мудрый древнекитайский император Юй, «великодушные покоряют всех, правдивость вызывает у людей доверие, беспристрастность радует» (20.1). Когда общество хорошо управляется государством, то, по словам Конфуция, люди сближаются, «радуются те, что близко, и приходят те, что далеко» (13.16). Конфуций верно понял важность связи семьи, отдельных людей, общества и государства и притом основывающейся на нравственности, как реального источника материального и духовного благополучия. Л.Н.Толстой так описал эту связь: «Сущность китайского учения такая: истинное (великое) учение научает людей высшему добру: обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того, чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того, чтобы было благоустройство в семье, нужно, 3) чтобы было благоустройство в самом в себе. Для того, чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. (Ибо где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше). Для того, чтобы сердце было чисто, исправлено, нужна 5) правдивость, сознательность мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того, чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя...»⁷.

⁷ Толстой Л.Н. Изложение китайского учения // Конфуций. Я верю в древность. с.210. Подробнее см.: Толстой Л.Н. Китайская мудрость // Полн.собр.соч. Т.25. М.: 1992. С. 354.

Безусловно, модель процветающего социума, построенная Конфуцием, является идеальной конструкцией. Не во всем, далеко не во всем такая модель реализуема. Но тем не менее она прагматически ценна, поскольку выступает в качестве весьма продуктивного ориентира при налаживании людьми цивилизованного образа жизни.

Человек и его жизнь согласно учению Христа. В этом учении человек во многом предстает как антипод конфуцианскому человеку. Если последний ориентирован на нужды и проблемы своей реальной земной жизни, то человек христов обращает свои взоры прежде всего к надмирному, трансцендентному, которое в действительности есть не что иное, как воображаемое. Но чтобы оно из такового для адепта учения Христа приняло форму реального, он должен взрастить в себе веру – веру в то, что все, что говорит его духовный господин (Господь) является истинным. Вера становится предпосылкой принятия учения наставника, притом независимо от того, в какой мере оно истинно или ложно, предпосылкой превращения человека в безропотного адепта. Вера становится главнейшим элементом сознания неопита. Она при этом носит директивный характер: неопит обязан иметь ее. Заповедь Бога та, наставляет апостол Иоанн, «чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа» (Первое послание Иоанна.3.23). Если кто не будет верить словам Господа и его обетам, тот будет наказан. «... Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Лука. 18.17), – страшает евангелист Лука. А апостол Павел сообщает, что он всякими способами внедрял веру в язычников: «... Не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершал Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия...» (Римлянам. 15.18-19).

Итак, уже можно определить особенность религиозной веры, ее отличие от веры в науке, в практической жизни. Основатели христианства побуждали людей верить в мифические события и феномены – в непорочное зачатие Иисуса, в его божественный статус, в чудесное воскресение, в царствие небесное и т.д. Иными словами они побуждали их принять вымышленное за реальное, за истину и не допускали сомнения в отношении этого. Такая вера переворачивает сознание человека и его когнитивные установки. Вместо ориентации на достоверное знание, на поиск и получение такого знания, его ориентируют на принятие фиктивных представлений, заблуждений, и притом исключается возможность какого-либо критического отношения к этим представлениям. Следование такой установке становится обязательным и постоянным. Поэтому данную веру можно охарактеризовать как догматическую и носящую характер ритуала. После принятия этой установки человек оказывается в полном моральном и интеллектуальном подчинении у своих наставников. Для него теперь неприемлема другая вера – научная или житейская. Эта вера также представляет убежденность в достоверности каких-либо необоснованных сведений. Но она допускает в случае появления контрдоводов возможность отказа от первоначальных представлений. Такая вера ориентирует на принятие тех или иных представлений до тех пор, пока они практически полезны, а потому она может быть определена как прагматическая. В отношении же религиозной веры прагматизм недопустим. В этом случае, человек обязан придерживаться усвоенных догм, даже если они будут противоречить фактам, опыту, здравому смыслу. Усвоивший такую веру человек согласится с апостолом Павлом, говорившим: «Верую познаем, что веки устроены словом Божиим...» (Евр. 11.3).

Благодаря догматической вере человек с неизбежностью становится подвластным своему новому и притом верховному господину – Господу, Богу. Вследствие этого он в отношении самых фундаментальных вопросов своего бытия утрачивает независимость, свободу, право на творческую активность. Эти

вопросы он должен решать в соответствии с предписанными ему представлениями о Боге, о мире, с этическими нормами этого учения. Его жизненная активность вводится в жесткие рамки. Поиск другого образа жизни и способа существования, которые вполне вероятно могли бы оказаться более плодотворными и интересными, становится запретным. У последователей этого учения появляется один и при том самый могущественный, неотвратимый, всех подчиняющий себе господин. Он и неусыпный соглядатай, и высший судья, и беспощадный наказующий.

Грозными словами, суровыми требованиями и непременным возмездием он и его апостолы принуждают людей принять новую веру и беспрекословно следовать ей: «...Покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас. Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас» (Иаков. 4.7-10). «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «Зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного *употребления*, а другой для низкого?» (Римлянам. 9.20-21). Бог «кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает» (1Там же). «...Не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей (маслины. – А.М.), то смотри, пощадит ли и тебя» (Римлянам. 11.20-21). «Мне отмщение, Я воздам, – говорит Господь» (Римлянам. 12.19).

Не чувствует ли себя человек, прочитавший эти слова, униженным? Ведь всякий уже заранее считается грешником, должен безоговорочно принять предлагаемую ему веру, не согласный будет безжалостно наказан, право на другой выбор у него отнимается. Всякий человек чувствует, что он действительно раб и его намерения и устремления, наконец, его личность в расчет не принимаются. Поскольку он раб, то от него теперь требуется только одно безусловное послушание. Здесь мы видим насколько глубоко и основательно усвоили творцы этого учения мораль и психологию рабовладельцев и рабов. В идеологии рабства они нашли средство для подчинения людей свое вере. Поскольку мифологичность событий и образов евангельских повествований могла вызвать возражение и действительно вызывала их в среде и иудеев, и эллинов, и римлян, постольку не допускалось какое-нибудь обсуждение предлагаемого учения. Именно послушание создавало более благоприятные условия для его насаждения. Павел поучал своих слушателей «... Возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, ... со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. Все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивного и развращенного рода...» (Филиппийцам. 2. 12-15). Павел, поучая таким образом неопитов, следовал Христу, который сам давал подобные наставления, но уже самим апостолам: «Когда исполните все, повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лука. 17.10).

Вера и послушание – это два первых условия для достижения главной жизненной цели, которую поставили перед людьми основатели новой религии: сделаться наследниками вечной и блаженной жизни в Царствии небесном. Третьим условием является добродетельная жизнь в этом земном мире. В Евангелии, как известно, разработан пространный кодекс моральных норм, которыми должны руководствоваться люди в своей жизни, в отношениях друг с другом. Во многом эти нормы совпадают с этическими установками Конфуция. Они так же ориентируют человека на свершение добрых дел, на сострадание, на помощь нуждающимся. «Доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче

своим по вере» (Галатам. 6.10), – провозглашает один из гуманнейших принципов апостол Павел. Как и Конфуций, он высоко ценит такие нравственные качества, как честность и справедливость: «...Братия мои, – наставляет он, обращаясь к своим приверженцам, – что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Филиппийцам. 4.8). Как и Конфуций, создатели Христовой веры призывали людей к благочинному поведению, к отказу от всевозможных пороков, перечень которых, правда, у них намного больше, чем у Конфуция. Они почти буквально повторяют краеугольный принцип отношения человека к человеку: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», – учил Христос. «... Не делать другим того, чего себе не хотите...» (Деяния. 15.29). Одно и то же нравственное чувство признают руководящим в отношениях между людьми и Христос с апостолами, и Конфуций: они называют его любовью, а он человечностью, человеколюбием. Апостолы правильно отмечают, что любить нужно не только ближнего своего, но и весь род человеческий, что человек без чувства любви к другим людям есть ничто (1-е Коринфянам. 13.2).

Существенно по-иному решали вопрос об отношении ко злу китайский мудрец и евангельские проповедники. Если первый призывал отвечать на зло по справедливости, что означает, в частности, в случае необходимости и применение насилия, то вторые, и прежде всего Христос, призывали не противиться злу насилием, с чем так и не согласились многие последующие моралисты.

Обнаруживая большое совпадение нравственных норм поведения людей, предложенных Конфуцием и Христом, мы в то же время видим коренное различие в понимании смысла и цели добродетельной жизни. Для Конфуция такая жизнь ценна сама по себе: она способствует гармонизации общества и тем самым помогает людям добиваться материального и духовного благополучия в земной жизни, что и является конечной целью человеческой жизнедеятельности. Для основателей христианства добродетельная жизнь сама по себе не имеет ценности и ради нее, и, следовательно, только ради благополучия людей трудиться не стоит. Деятельность ради добродетельной жизни есть лишь средство – средство обрести Царство небесное. Добродетельная жизнь на Земле – это всего лишь ступенька, на которую христианин должен встать, чтобы подняться на Небо. Имея в виду такое будущее, апостол Павел обещает: «Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Галатам. 6.9).

В свете такой перспективы, обещаемой Новым Заветом, вся вера Христа выступает в качестве средства побуждения верующих к добродетельной жизни. Иисус Христос со своими последователями не нашел другого, достаточно эффективного средства побуждения людей к жизнедеятельности по этическим правилам. Он надеялся, что привяжет их к высшим в его понимании ценностям – к Богу, к мысли о блаженной жизни в идеальном надземном мире, что заставит их исправить пороки земной жизни. Потому и он, и апостолы постоянно твердили людям о такой зависимости: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо Спасителю нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (Первое Тимофею. 2.1-4), – взывал Павел. «И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Колоссянам. 3.17), – еще раз поучал он, указывая людям истинную, по его мнению, цель добрых дел

человеческих. Если кто принял веру Христову, то он обязательно должен дополнить ее добрыми делами, поскольку только в этом случае он будет вознагражден вечной жизнью в Царстве Божиим. «Вера без дел мертва, – пояснял неопитам апостол Иаков. – Что пользы, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?» (Иаков. 2.14). Апостолы не ограничиваются одними призывами. Они неумолимо вырабатывают у своих адептов чувство неизбежной наказуемости за игнорирование их наставлений. «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех» (Иаков.4.17), – грозит Иаков.

Итак, из всех наставлений и предписаний, которым должны следовать адепты христовой веры вырисовывается образ человека, желанного творцам этой веры. Как говорит Павел, это новый человек, созданный по образу Бога, в праведности и святости истины (Ефесеянам. 4.24). Иными словами, этот человек должен включать в свой облик черты, соответствующие духу принятой им веры. Это черты двоякого рода: они должны отвечать условиям земной жизни человека, но также и характеру духовной жизни, ориентированной на почитание Бога. Уже здесь мы видим двойственность облика христового человека, вызванную ориентацией его, с одной стороны, на реальный мир, а с другой – на вымышленный.

Что касается реального мира, мира отношений христианина с окружающими его людьми, то, согласно Иисусу, этот человек должен быть милостивым, с чистым сердцем, правдолюбивым, миротворцем. (Матф. 5.7-10). Он должен уметь прощать людям их прегрешения (там же.14), быть смиренным, кротким, долготерпимым, дружелюбным (Колоссянам. 3.18-21). Павел призывает верующих быть свободными от чрезмерного мнения о себе: «Не думайте о себе более, нежели должно думать, но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Римлянам. 12.3).

Иисус учит людей быть милосердными, притом в несвойственной многим степени: «...Любите не только ближних своих, но и врагов ваших. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обижающих вас» (Матф. 5.43-44). В таком характере отношений между людьми Христос видел способ предотвращения раздоров и конфликтов. Хотя он труден для большинства людей, но даже используемый хотя бы какой-то частью их, он действительно может вносить умиротворение в человеческую среду.

Призывая быть покладистыми и милосердными в отношениях друг с другом, апостолы, в то же время побуждали их проявлять твердость и непоколебимость в деле Господнем. «Бодрствуйте, – взывает Павел, – стойте в вере, будьте мужественны, тверды...» (1-е Коринфянам.16.13). Таким образом, христов человек в моральном и психологическом отношении снова оказывается двойственным. Но на этот раз эта двойственность позитивна для него. Проявляя мягкость в практических отношениях с людьми, он остается твердым по отношению к своей вере, тем самым делая прочной свою жизненную позицию и сохраняя свое достоинство. Другой дело, что эта твердость связана с нереалистической стороной его жизнедеятельности, а потому с точки зрения здравого смысла выглядит как безосновательный фанатизм.

Христос и его апостолы предписывали своим последователям черту, которая была бы неприемлема для Конфуция. Она ориентирует человека на определенную пассивность в обеспечении условий своего существования, на низкую трудовую активность. Христос поучает своих приверженцев: «...Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться...потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный, знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства

Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем...» (Матф. 6.25,32 – 34).

«... Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Там же. 11). А апостол Петр добавляет: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» (1-е послание Петра. 5. 7).

Такая заповедь побуждает людей к беспечности, обрекает на трудности из-за пассивности и рискованной бездеятельности. Безусловно, практическая жизнь убеждает людей в необходимости противоположного поведения, а потому реально в жизни никто не может следовать подобным советам, даже если они исходят из божественных уст. Христианин-практик под влиянием реальных жизненных условий должен отступать от христового наставления и не только в этом случае. И снова он раздваивается: чему-то в этом учении следует безоговорочно, а от чего-то уклоняется.

Естественно, свои нравственные качества всякий человек проявляет прежде всего в отношениях с ближними, то есть в семье. Именно здесь он учится жить в соответствии с добродетелями. На важность благочестивой жизни в семье больше всех среди основателей христианства обращал внимание Павел, взгляды которого по этому вопросу в основном совпадают с представлениями Конфуция. Отношения в семье должны строиться на подчинении жен своим мужьям и на почитании детьми своих родителей (Колоссянам. 3.18–21). Любовь как связующее семью чувство предполагается только со стороны мужа к жене, тогда как со стороны жены важно прежде всего повиновение. «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела...Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены...» (Ефессянам. 5. 28. 22-23), – учит Павел. Однако он признает полное равенство супругов в их сексуальных отношениях: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию...» (1-е послание Коринфянам. 7. 4-5). В такой форме отношений Павел видел способ избежать одного из распространенных пороков – блуда.

Он высоко ценил семейные отношения, считая их частью веры, а нарушение этих отношений – отступлением от веры. «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1-е Тимофею. 5. 8), – говорил он. В данном случае апостол оказывался гуманнее своего учителя, для которого отношения по вере были важнее родственных отношений. По этому поводу Иисус говорил: «... Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или землю, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Марк. 10.29–30). Вследствие такого предпочтения отношений по вере над родственными отношениями семья в учении Христа в отличие от Конфуция не считалась основной, исходной ячейкой общества. Более того, Христос считал более угодным богу не вступать девушкам в брак, то есть вообще не создавать семьи – этого кирпичика общественного здания, благодаря которому общество воспроизводит себя и свою нравственную сущность.

Само же общество, как оно выстраивается в соответствии с учением Христа, приобретает намного более сложную, чем у Конфуция, и притом гибридную форму, части которого оказываются плохо согласуемыми, порой сближающимися, но часто вступающими в конфликтные отношения. Основная черта этого общества – его дихотомичность. Это значит, что оно содержит несколько пар полярных элементов – дихотомий. Между этими элементами не предусматривалось равновесие, продуктивный баланс, что могло приводить к

социальным кризисам. Иисус поставил перед собой колоссальную задачу – установить этот баланс, а то и ликвидировать некоторые конфликтные дихотомии. На первое место из числа всех дихотомий выходит оппозиция «благочестивые – грешники». Именно в ее рамках в наиболее острой форме проявлял себя указанный кризис. Он выступал в форме морального кризиса – широко распространившегося упадка нравов. Если судить по Евангелию, то количество благочестивых людей было крайне малым. Само Евангелие называет лишь нескольких человек – мать Иисуса Марию, родителей Иоанна Крестителя Захарию и Елисавету, Иоанна Крестителя и самого Иисуса. Конечно, в действительности таких людей было много, иначе общество вообще погубило бы само себя. Но о них авторы Нового Завета не говорят, стараясь тем самым представить общество в как можно более черных красках и этим обосновать крайнюю необходимость спасительной деятельности Христа. Такой подход отражает претенциозность основателей христианства в отображении реальной действительности. Они формировали у своих последователей полное неприятие этой действительности, не пытаясь отыскать в ней что-либо положительное. «Не любите мира, не того, что в мире, – убеждал апостол Иоанн. – Кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1-е послание Иоанна. 2. 15). Все, что было в мире, сводилось к похоти плоти, похоти очей, к гордости житейской. Апостол Иаков высказывался против каких-либо дружеских отношений с кем-либо в мире. «... Дружба с миром, – поучал он, – есть вражда против Бога» (Иаков.4.4). Весь мир представлялся ими как скопище волков, в которое нужно идти с большой осторожностью и умением. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков, – наставлял Иисус учеников. – Итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матф. 10. 16). Здесь видно, что Христос противопоставлял себя и своих приверженцев всему обществу, считая его тотально порочным и не стремясь наладить с ним хотя бы какое-нибудь сотрудничество. Такого ожесточения по отношению к окружающему миру мы не находим у других учителей человечества – ни у Конфуция, ни у Будды, ни у Сократа, ни у стоиков.

Преодоление конфликта, существующего в рамках дихотомии «благочестивые – грешники», Иисус видел в увеличении числа благочестивых людей. С этой целью он начал свою проповедническую деятельность, привлекая на свою сторону все новых и новых адептов. Он считал, что именно его учение может быть средством преобразования грешников в благочестивых. С увеличением количества этих адептов сформировалась другая дихотомия – «христиане – язычники». Общество разделялось по новому основанию. Начались новые длительные и острые конфликты между этими слоями, принявшие форму гонений на христиан. Эта борьба породила, по крайней мере, на стороне гонителей большое количество новых грешников. Распространившееся же христианское благочестие было противоречивым, поскольку наряду с элементами высокой нравственности содержало элементы фиктивности и фанатизма. И в этом случае основатели христианства категорически выступили против поиска каких-либо форм сотрудничества с нехристианами, глядя на них исключительно как на чуждых, неприемлемых грешников. «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием, – предупреждал Павел. – Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами?...» (2-е послание Коринфянам. 6. 14 – 16). Здесь проявляется претензия новой веры на исключительную правоту, что ведет к негативному обособлению и враждебности в отношении с другими идейными течениями.

Подобные отношения уже существовали в рамках другой дихотомии – «иудеи – язычники». Считая себя избранным народом, иудеи обособлялись от

других этносов. По словам Евангелия им было запрещено общаться и сближаться с иноплеменниками (Деяния. 10. 28). Иисус Христос решил устранить это неприятие одним народом других. Он повелел своим апостолам «не почитать ни одного человека скверным или нечистым» к какому бы племени он не принадлежал (Там же). Последователи Христа начали сближаться с язычниками. «Бог нелицеприятен, – пояснял Новый Завет, – но во всяком народе боящиеся его и поступающие по его правде приятны ему (Там же). Для Бога христовой веры все народы равны: «...Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа...» (Колоссянам. 3. 11). Представители всех народов должны быть дружелюбны друг к другу (Там же).

Так говорили последователи Христа, но по-иному думали иудеи. В своем подавляющем большинстве они не приняли это нововведение, более того, они не согласились и с другими новшествами, предложенными Иисусом, решительно выступив против его учения и его самого. Так возникла новая дихотомия – «иудеи – христиане» и разгорелся новый острый конфликт, оказавший негативное влияние на отношения иудеев и христиан. Но именно этот конфликт привел тогда к той впечатляющей драме – распятию Христа, которая сделала образ этого человека привлекательным для многих страждущих и помогла распространиться и утвердиться его учению.

Сутью конфликта был спор о божественной природе Иисуса. Иудеи были первыми, кто понял мифологичность рассказов Иисуса о том, что он был послан Богом, что он сын Божий, сошедший с небес. Хорошо понимая исключительно земную природу Иисуса, иудеи обвинили его в богохульстве, поскольку он, будучи человеком, выдавал себя за Бога (Иоанн. 10). Таким образом, конфликт был порожден самим Иисусом. Он прибег к вымыслу, чтобы с его помощью подчинить своих соплеменников новой вере. Но результат был обратным: его уличили во лжи и были вынуждены совершить казнь, спровоцированную им самим. Тем самым сам Иисус стал причиной раскола среди евреев и последовавших за этим драматических событий, внесших напряжение в общество. Вместо желаемого Иисусом мира пришла трагическая драма.

Иисус предлагал свое решение еще одной социальной проблемы, возникающей на разделительной линии дихотомии «бедные – богатые». Стремление к богатству он считал пороком. Ориентируя людей на достижения Царства Небесного, он призывал не собирать сокровища на земле (Матф. 6.19). Нельзя одновременно служить Богу и Мамоне, – говорил он (Там же). Еще более гневно поносил богатых апостол Иаков: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь... Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания» (Иаков. 5.1-3, 5).

В высказываниях как Иисуса, так и Иакова чувствуется слишком одностороннее понимание ими богатства и его роли в социальной жизни. Во-первых, они не делают различия между богатством праведным и неправедным. В нажитом праведным трудом богатстве проявляются такие добродетели создавшего его человека, как трудолюбие, рачительность, способность к успешной работе. В стремлении к такому труду проявляется положительная роль богатства в качестве его стимула. Само же богатство становится условием для созидания духовных ценностей, прежде всего в области искусства, в том числе и культового. Иисус же, как это он делал уже не в первый раз, ориентировал людей на деятельность в направлении фиктивных целей, что лишает саму эту деятельность какого-либо значимого смысла. Более здраво высказывается о

богатстве апостол Павел. Он отвергает не всякое богатство, а лишь «неверное», а кроме того, видит в богатстве средство обеспечения благополучия нуждающихся. «Богатых в настоящем веке увещевай, – говорит он своему единомышленнику Тимофею, – чтобы они не высоко думали о себе и не уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения, чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» (1-е Тимофею. 6. 17-18). Кстати, Иисус тоже в одной из своих притчей высказывался одобрительно о таком человеке, который прирастил деньги, данные ему на хранение господином, т.е. накопил хотя и малое, но богатство. Павел фактически возражает против слов Иисуса о жизни без каких-либо претензий на материальное благополучие. Каждый человек должен получать вознаграждение за свой труд. «Трудящийся достоин награды своей» (1-е Тимофею. 5.18). В этом он стоит близко к Конфуцию, который учил своих слушателей уменью создавать себе обеспеченную жизнь и сам не был аскетом.

В своей этике Иисус не был до конца последовательным, когда, например, решал такую животрепещущую дихотомию, как «господа – рабы». В отличие от предыдущей дихотомии, где он проявлял бескомпромиссную нетерпимость, в данном случае он был более терпим и покладист, хотя сама проблема требовала здесь быть более категоричным. Он не высказывался за свободу рабов, а фактически способствовал сохранению рабства. Самый энергичный проповедник учения Христа апостол Павел призывал рабов оставаться в этом своем состоянии: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся...» (1-е Коринфянам. 7. 20-21). «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, – взывал он и подчеркивал, – не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный» (Ефессянам. 6. 5 – 8). И дальше этот апостол проявлял еще большую требовательность к рабам: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести...» (1-е Тимофею. 6. 1). И с таким же трепетом рабы должны относиться к господам, ставшим верующими во Христа: «Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им.» (Там же.2). Таким образом, рабство оправдывалось не только в среде язычников, но и в среде христиан. Конфликты между рабами и господами, как наивно полагали основатели христианства, могли быть предотвращены, с одной стороны, как это только что было видно, смиренным служением господам, а, с другой стороны, справедливым отношением к ним господ. «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах» (Колоссянам. 4. 1).

Излишнюю терпимость и однозначность проявляли основатели христианства по отношению к дихотомии «власть – народ». Здесь они исходили из представления, что «нет власти не от Бога» (Римлянам. 13. 1). Потому «всякая душа да будет покорна высшим властям», а «противящийся власти противится Богию установлению» (Там же. 1– 2). И снова звучит наивный совет: «... Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро...» (Там же. 3 – 4). О том же настойчиво твердит и апостол Петр: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть

воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей... Бога бойтесь, царя чтите» (1-е послание Петра. 2. 13 – 15, 17). Апостолы, безусловно, знали, что не всякая власть добродетельна, а потому не всякая заслуживает почитания. Но в их позиции, по-видимому, сказывается боязнь настроить против себя власть римских правителей, поскольку тогда их положение значительно ухудшилось бы, ибо они и так подвергались сильному противодействию со стороны властей иудейских. Дипломатические расчеты здесь побуждали апостолов делать уступки в своей нравственной позиции. Правда, в одном месте своих посланий Павел спохватывался и все же призывал противиться властям, если они злокозненны: «Братья мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефессянам. 6. 10 – 12). Естественно, противоречивость подобных наставлений ставило всякого верующего в затруднительное положение и вовсе не помогало ему в выборе своего отношения к власти. Реальная жизнь заставляла их действовать без оглядки на Священное Писание, но с учетом своих интересов.

Конфуций в свое время не проявлял почтительности к неправедным властям, а выражался в той или иной форме против них. К примеру, когда правитель царства Лу, у которого одно время он служил, погряз в порочном образе жизни, Конфуций перестал ему служить и даже покинул царство. В отношении основателей христианства здесь напрашивается мысль, аналогичная мысли относительно предыдущей дихотомии: они поддерживали у верующих чувство покорности властям, освящая их даже именем Бога, с той целью, чтобы это чувство автоматически переносилось ими на начавшие уже формироваться церковные власти самих христиан.

Мы видим, что основатели христианства далеко не всегда успешно справлялись с противоречиями, заключавшимися в свойственных тогдашнему обществу дихотомиях. Напротив, в ряде случаев они даже обостряли эти противоречия, что делало жизнь людей еще более тяжелой. Но беда еще в том, что эти основатели своей деятельностью порождали новые дихотомии, которые усложняли структуру социальной сферы, а тем самым и жизнь людей. Одна из таких из таких дихотомий – «мирское – церковное». Каждый из элементов этой дихотомии, согласно Новому Завету, должен существовать по своим законам. «... Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22. 21), – провозглашал Христос. Между законами этих полусфер, следовательно, не было полного единства и согласованности. Вследствие этого рядовой человек оказывался в ситуации бифуркации, раздвоенности, что, естественно, порождало множество дополнительных проблем в его жизни, а тем самым и психологический дискомфорт. С другой стороны, ощущение дискомфорта, вероятно, должен был испытывать и сам Христос, поскольку для него, претендующего на полную власть над всем земным, оставался все же неподвластным мир земных властей. А это, в свою очередь, вызывало у людей сомнение в его могуществе.

Другая дихотомия, привнесенная в жизнь основателями христианства, это пара «земное – небесное». Небесное – это идеальное царство Бога. По его воле и в соответствии с достоинствами этого царства и с условиями попасть в него и должен осуществлять свою земную жизнь христианин. Иоанн Креститель так определил зависимость людей от этой надмирной сферы: «...Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба» (Иоанн. 3. 27). Таким образом, над земным миром надстраивается еще один мир, из которого исходят высшие повеления, в согласии с которыми человек и должен строить свою жизнь.

И это удвоение мира снова ставит человека в ситуацию бифуркации. С одной стороны, он должен жить, учитывая земные условия своего бытия и свои земные потребности и интересы, но в то же время он должен ориентироваться и на Царство Небесное. А поскольку эти миры кардинально различаются между собой, то согласовать два различных вида деятельности человеку не всегда удается. И снова он испытывает состояние психологического дискомфорта. Чтобы ослабить это состояние, он вынужден в той или иной степени отрешаться от чего-то земного, делая свою жизнь ущербной. Но зато интенсивней становится его жизнедеятельность, определяемая миром небесным. Это и поклонение Богу, и непрерывное прославление его, и постоянные молитвы, и различные праздники и обряды. «... Настанет время и настало уже, – возвещал Иисус, – когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Иоанн. 4. 23). А апостол Павел обещает выполнить это предписание Христа: «Итак, мы... будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядущий» (Евреям. 12. 28-29). И снова стимулом вере выбирается страх, чего не могло быть в учении Конфуция.

Отличие религиозного сознания от рационального. Человек живет и действует в двух мирах – в реальном и воображаемом. Реальный мир – это то, что дано человеку в чувственном восприятии, в достоверном знании. Воображаемый мир – это созданное мышлением содержание, не имеющее реальных референтов. Человеческий дух не удовлетворяется знаниями о реальном мире, а часто и самим этим миром. Он способен видеть неполноту знаний о мире, его несовершенство. Эта способность различна у разных людей и отличается степенью глубины, широты, проницательности. В зависимости от степени развитости этой способности находится и степень неудовлетворенности тем или другим миром, а также степень желания людей преобразовать, усовершенствовать как знания, так и саму действительность. Таким образом, духовный дискомфорт, вызванный дефектами этих сфер, становится стимулом преобразовательной и созидательной деятельности, в том числе и деятельности воображения.

Этот дискомфорт человек может устранять благодаря присущей ему способности выходить за рамки данного, наличного и тем самым восполнять и хотя бы мысленно улучшать его. Это выходение осуществляется в сфере ментального и реализуется благодаря предрасположенности человека к творчеству. Но это творчество совершается не ради его самого, не является чистой игрой. Эта ментальная деятельность так же значима для человека, как и практическая деятельность, поскольку он склонен к тому, чтобы удовлетворяться в той или иной мере воображаемым содержанием. Воображаемый мир отвечает духовной потребности человека в нем. Так человек поступает, когда реальность не удовлетворяет его. При этом он абстрагируется от нереальности вымышленного.

Воображаемый мир многообразен. Его содержание существует в целом комплексе разных форм. Это мифы, религиозные картины природной и социальной действительности, художественная литература, искусство. Сюда же можно отнести и гипотетическое научное знание, т.е. знание, реальность референтов которого еще окончательно не установлена. Таковыми же по природе являются и социальные утопии. Обширный класс воображаемого содержания составляют такие элементы социального сознания, как мечты, грезы, воспоминания об уже прошедшем, переставшем существовать. Перечисленные формы образуют в едином воображаемом мире несколько более или менее автономных субмиров – мифологический, религиозный, художественный,

научный, утопический, индивидуальный. Множественность этих субмиров обусловлена тем, что у человека существует потребность в разных ментальных объектах и структурах. Так, художественный субмир призван удовлетворять потребность человека в эстетическом наслаждении. Утопический субмир удовлетворяет потребность в идеалах как совершенных образцах социального бытия.

Каждый из воображаемых субмиров отличается большим своеобразием. Это касается как характера самого содержания, т.е. его отношения к реальности, так и способа его конструирования и его функций – социальных, психологических, гносеологических. Существеннейшей чертой религии является то, что она воображаемое, вымышленное считает реальным, истинным. И более того, она побуждает своих адептов реагировать на это содержание, вести себя так, как если бы это были реальные объекты. Главный императив религии поэтому можно выразить так: поступайте по отношению к вымышленному как к реальному. Но такое поведение на деле оказывается псевдоповедением, поскольку оно обусловлено не каким-либо реальным содержанием, а вымыслом. Люди же, поступающие таким образом, становятся в своих действиях в известной степени неадекватными реальности. Их поступками руководят не реальные явления, а воображаемое содержание, фантазия. Поэтому их поступки не только не находят реальных коррелятов в действительности, но даже могут противоречить ей. Отсутствие коррелятов и, следовательно, возможности оказывать воздействие на них посредством совершаемых поступков делает подобные поступки в определенном отношении бессмысленными. Таким образом, особенность поведения верующего человека заключается в том, что он, реагируя на воображаемый мифологический субмир соответствующими действиями, считает его реальным. Иной способ поведения неверующего. Он также может определенным образом реагировать на воображаемое содержание, например, плакать или радоваться при восприятии произведений художественной литературы и искусства, но при этом он отдает себе отчет в нереальности этого содержания.

Однако будучи в какой-то степени бессмысленными, поступки верующего тем не менее не лишены определенной значимости. Они вызывают психологический эффект, например, психотерапевтический. Ритуальные действия, усиленные верой в реальное существование бога и в его отзывчивость, вызывают в верующем такое душевное состояние, которое нивелирует отрицательные эмоции. Но поскольку содержание мифов остается безреферентным, то положительный эффект сопровождается негативным фактом: сознание верующего заражается заблуждениями, связанными с мифами. Следовательно, такая форма психотерапии ущербна. Она внедряет в сознание психологически опасный гибрид позитивного и негативного.

Положительный психотерапевтический эффект человек может вызвать или воображая какие-нибудь реальные явления, увиденные ранее, или прибегая к вымыслу, считая его именно таковым. В этом случае сознание человека не засоряется заблуждением.

Из сказанного следует, что поведение человека определяется представлениями о двух разных мирах – реальном и воображаемом. Но последний может обуславливать как адекватное, имеющее смысл, так и неадекватное, бессмысленное поведение. Но и здесь религию выручает вера в истинность воображаемого. Именно благодаря ей ложные представления оказываются императивными для адептов, они стимулируют их к нравственному поведению.

Здесь встает острый этический вопрос: нравственно ли использовать вымысел, ложь в качестве такого стимула? Мифология и религия своей практикой отвечают на него утвердительно, но нравственное сознание образованного человека не приемлет такой хитрости, а поведенческая практика многих нравственных людей говорит, что имеется немало правдивых стимулов морального поведения. Из этого следует, что религию с ее вымыслами может заменить идеология реальной духовности, включающая основанную на позитивном содержании этику, не мнимые, а реальные идеалы и святыни.

Итак, мы видим, что воображаемый мир влияет на поведение людей, управляет им и их сознанием. Тем самым в этой своей роли он может выступать в качестве субститута реального мира. Это возможно благодаря присущему психике свойству сходного эмоционального реагирования на воображаемое как на реальное. Но если так, тогда с мировоззренческой и этической точек зрения важно, чтобы всякий вымысел осознавался как таковой. И тогда воображаемое будет воздействовать на людей исключительно положительно: обеспечивать их реальными идеалами, более или менее достоверной онтологией, непсевдоистинными источниками эстетического наслаждения и гармонической душевной жизни. В этом случае психотерапевтическая функция такого содержания не будет внутренне противоречивой. И поскольку воображаемый мир является беспредельной сферой для творчества, то такая установка будет оберегать сознание от необузданной фантазии. Такой воображаемый мир с наибольшим успехом может выполнять свои главнейшие функции – приносить комфорт в души людей, духовно преображать их, ставить перед ними реальные жизненные цели.